

Возможно, прикосновения к телу передавали голос сердца, потому что Сино тут же посоветовал:

— Представь, что у тебя закрыт глаз.

И Масамити ответил: "Да, сэр!" высоким голосом.

Глаз здесь... где так больно?

Масамити крепко зажмурил глаза, взял в левую руку музыкальную шкатулку, а правую руку, сам того не осознавая, осторожно положил на пальцы Сино, которые находились между его бровями. Мгновенно под его кожей появилось изображение большого века, закрытого в тени.

Это было похоже на росток растения, глубоко укоренившийся в мозгу Масамити.

Вот оно! Это мой третий глаз?

Почувствовав холодок от пальцев Сино между бровями и правой рукой, Масамити перевел взгляд на огромное веко.

Хотел бы знать... что я увижу, когда этот глаз откроется.

Словно в ответ на это простое желание, веко медленно открылось.

— Да, это оно. Вот оно, — прошептал Сино позади него. Почувствовав его холодное дыхание, Масамити поднял музыкальную шкатулку в левой руке.

— Прочти... музыкальную шкатулку... этим глазом.

Сознание Масамити было настолько полностью сосредоточено на "третьем глазе", что он не заметил, как Сино вздохнул позади него.

Все его тело было горячим, как будто он выпил что-то теплое, а воздух, которым он дышал, втягивался в большой невидимый глаз. Испытывая это ощущение, он медленно открыл третий глаз.

Я вижу!

Когда Масамити показалось, что появилась радужная оболочка, сияющая ярко-золотым цветом, он что-то увидел.

Но это было не так ясно, как если бы он видел все двумя глазами.

В мире, окутанном туманом, он увидел, что часть музыкальной шкатулки в его левой руке расплывается.

Я могу различить форму музыкальной шкатулки... Нет, это не то. Я могу видеть сквозь нее, видеть, что внутри. Это единственное, что я могу видеть четко.

Он попытался объяснить, что видит его третий глаз, просто и понятно.

— Это кусок нити? Коричневая нить, смотанная в тонкий жгут, закрученный в петлю.

— Ты прочитал, — раздался сзади довольный голос Сино. — Этот предмет был сделан в Германии во время Второй мировой войны. Женщина подарила его своему парню, который уходил на войну. Она хотела, чтобы музыка успокаивала его, и положила внутрь свой волос, чтобы защитить его мистической силой. Третьим глазом ты увидел сильные эмоции женщины, которые до сих пор хранятся в ее волосах.

Масамити показалось, что он слышит ее голос издалека, и он тихо спросил:

— А... что случилось с мужчиной?

— Я слышал, что он погиб в бою. Человеческие волосы не способны уберечь от пуль. То, что она сделала, было лишь для ее успокоения.

— О нет.

— Но мужчина, должно быть, умер, окруженный ци или энергией женщины. Это должно было хоть как-то утешить человека, но меня это не волнует, — отрывисто сказал Сино, а затем положил палец на лоб Масамити. — Медленно открой глаза.

— Глаза, которыми я обычно вижу, верно?

Убедившись в этом, Масамити медленно сделал то, что ему сказали, и удивленно вскрикнул.

В чайной комнате был выключен свет.

Но он мог видеть. Это происходило потому, что его тело излучало небольшое количество мягкого золотистого света.

— Что это? Что со мной происходит?

Он был ошеломлен. Он знал, что Сино смеется позади него.

— Это твоя ци. Благодаря использованию третьего глаза она стала сильнее. Закрой третий глаз, и твоя ци исчезнет. Ха-ха. Значит, это цвет солнечного света, проникающего сквозь деревья.

Голос Сино звучал необычно бодро и в то же время торопливо, словно сдерживая боль.

Масамити встревожился и позвал его.

— Сино? Что случилось? Я ведь читал, как ты велел, не так ли? Как мне закрыть этот третий глаз?

— Он закроется сам, когда ты перестанешь осознавать. Продолжай тренироваться, и сможешь контролировать его. Делай это быстро.

После этих слов Сино наконец убрал пальцы из-под бровей Масамити и встал, затем забрал у него музыкальную шкатулку и вернулся на свою подушку.

Он продолжил.

— Как я уже говорил, предметы, сложенные там, - это духи-артефакты или их эквиваленты. Они были привязаны к людям в течение долгого времени, и на основе этого у них появились души.

— О... понятно, — сказал Масамити, кивнув, когда свет вокруг него померк.

— Они всегда рядом с людьми и одержимы желанием получать их ласку. Они проклинают людей, когда не могут этого получить.

— А, так вот почему эта кукла рассердилась.

— Да. Я приношу сюда подобные предметы и передаю их владельцам, с которыми они совместимы. В этом и заключается моя работа.

— Владельцам, с которыми они совместимы? Вы имеете в виду людей, которые будут хорошо о них заботиться?

— Так и есть, но, как и между людьми, существуют проблемы совместимости между предметами и людьми. Некоторые пары уживаются, а некоторые нет. Если они уживаются, предметы принимают привязанность своего нового владельца и отвечают ему тем, что

приносят удачу.

— Значит, они похожи на счастливые предметы!

— Мне не очень нравится объяснять это так просто, но ты не ошибся.

— Простите, — негромко сказал Масамити, чувствуя, что испортил Сино хорошее настроение.

— А если они несовместимы?

— Это будет крайне неприятно для объекта. Полагаю, дух артефакта проклянет владельца.

— Ого... тогда на вас лежит большая ответственность за поиск владельцев, с которыми предметы совместимы.

Сино серьезно кивнул и погладил музыкальную шкатулку по ладони.

— Чтобы найти хорошего владельца, я должен прочесть, какая связь существует между сторонами. Но это большая работа, ведь здесь так много предметов. У тебя есть к этому способности. Потренируйся и помоги мне в работе.

— А, так вот что значит читать вещи с помощью третьего глаза.

— Верно. Я выберу безобидные предметы, которые не будут беспокоить тебя, если ты попытаешься их прочесть. Делай это и тренируйся использовать свой третий глаз. Но... это интересно.

— Прошу прощения?

Масамити был озадачен тем, что Сино снова в хорошем настроении.

— Может быть, тебе было суждено появиться передо мной. Я решил оставить тебя в качестве еды по своей прихоти, но такого бонуса я не ожидал.

— А? О чем ты говоришь?

— Скоро узнаешь.

Для Масамити все происходящее становилось не просто подозрительным. Это было просто жутко. Но Сино встал с таким видом, будто с минуты на минуту начнет напевать, и направился в грязную комнату, чтобы вернуть музыкальную шкатулку в место хранения.

Масамити не знал, как это работает, но он услышал, как Сино щелкнул пальцами, и в следующее мгновение в чайной комнате зажегся свет.

— А теперь иди.

Масамити был отстранен. Он больше не мог задавать вопросы.

А как слуга, он должен был уйти, пока Сино в хорошем настроении.

— Хорошо. Спокойной ночи, — сказал Масамити.

Сино снова ничего не ответил.

Сегодня, вчера... Сино никогда не говорит "спокойной ночи". Наверное, у призраков нет привычки к светским любезностям.

Потирая брови, он подумал о том, что это позор, и почувствовал, что все еще наполовину спит.

Той ночью.

— Ой...

Боль разбудила Масамити.

Он не выключил свет. Он все еще был в одних трусах и даже не накрылся одеялом.

Если подумать, то когда же я уснул?

После возвращения в комнату все тело стало вялым, его одолела сильнейшая сонливость, он упал на кровать и отключился.

Масамити проверил телефон и увидел, что уже немного за час тридцать утра.

Наверное, я проспал четыре или пять часов.

Масамити положил руки на кровать и медленно приподнялся.

Боль между бровями была ужасной.

Именно там, где прикасался Сино.

Это не была резкая боль, как раньше, но было ощущение, что что-то бьется, и боль пульсирует в такт сердцебиению.

— Ой...

Масамити надавил на брови и застонал. С трудом приходя в себя, он снова осторожно прилег на кровать.

Это связано с тем третьим глазом? Он находится примерно в том же месте.

Хотя он думал, что боль ослабнет, если он останется неподвижным, она продолжалась с прежней силой, и он почувствовал легкую тошноту.

— Это может быть плохо.

На самом деле он не собирался блевать, но никак не мог снова заснуть. Кроме того, если боль связана с третьим глазом, это может привести к серьезным последствиям.

Внезапно испугавшись, Масамити, пошатываясь, поднялся на ноги и уперся руками в изголовье кровати.

Его словно укачало, и он не контролировал свои ноги, но двигался нормально.

На всякий случай я поговорю об этом с Сино.

Приняв решение, Масамити вышел из комнаты.

Опираясь на перила, он спустился по лестнице и обнаружил, что в чайной комнате царит кромешная тьма.

Сино не было видно. Масамити одной рукой поднял жалюзи и включил свет, но призрака там не было.

Свет над проходом тускло освещал высокие кучи товаров вдоль обеих стен.

Увидев эту куклу, Масамити быстро опустил жалюзи и погасил свет.

Ему хотелось верить, что благодаря Сино ее гнев рассеялся. Но все равно было страшно.

Ах да, Сино сказал, что его комната находится в том направлении.

Масамити пересек чайную комнату и направился в самую дальнюю комнату на первом этаже.

Он стоял перед бумажной ширмой, служившей дверью, и колебался, постучать ли ему или позвать, как вдруг услышал голос:

— Входи.

Вероятно, призраку не составило труда заметить звуки, которые издавал Масамити.

Удивленный и пораженный, Масамити извинился и тихо вошел внутрь.

Впервые Масамити вошел в комнату Сино.

Она была такого же размера, как и та маленькая комната, которую ему предоставили. Разница заключалась в голубоватых циновках татами, открытом коридоре за полуоткрытыми раздвижными дверями и виде на скромный сад через раздвижные стеклянные двери и деревянные ширмы.

— Вы еще не спите? — спросил Масамити.

Сино сидел, скрестив ноги, на татами, глядя на лежащий перед ним свиток с картинками, и грубо ответил:

— В отличие от вас, людей, призраки не должны спать, если они действительно не измотаны.

— Не нужно?

— Хотя удобство кровати таинственным образом вызывает привыкание. У меня появилась странная привычка спать как развлечение.

На мгновение Масамити забыл о боли и улыбнулся. Хотя Сино, вероятно, не знал об этом, сон как развлечение был странно забавным.

— Простите, что побеспокоил вас. Я хотел поговорить кое о чем.

— Валяй, — сказал Сино, аккуратно убирая свиток и кладя его на письменный стол.

— Я мельком взглянул на этот свиток. Там был изображен амбар? Свиток относится к периоду

Хэйан?

— Позднее. Это работа художника эпохи Эдо, который представлял себе, каково было людям, жившим в Хэйан-кё. Его мастерство было неплохим, но, кажется, он немного превозносил то время. Это странная склонность людей. Они отдаляются от настоящего и мечтают о прошлом, когда уже нет смысла в нем жить.

Высказав эту философскую мысль, Сино подбородком показал Масамити, чтобы тот сел, и, прикоснувшись к его все еще болевшему плечу, юноша сел лицом к Сино.

— И? Чего ты хочешь?

Масамити был прям.

— У меня ужасно болит между бровями, — сказал он.

Сино безразлично ответил:

— Этого следовало ожидать.

— Ожидать?

— Я помог, но ты внезапно открыл свой третий глаз. Естественно, ты испытываешь боль и усталость.

— Я очень устал, мое тело адски болит, и у меня болит между бровей.

— Посмотрим.

Сино не винил Масамити в том, что он жалуется. Он потянулся к своему лицу и потрогал меж бровей, как делал это раньше. Затем он сказал ровным тоном: "Ах".

— Что такое?

Масамити выглядел встревоженным, и Сино вздохнул.

— Ты очень неуклюж. Ты открыл свой третий глаз, но не смог его закрыть. Конечно, ты устал, и твой третий глаз, должно быть, жалуется, что его внезапно разбудили и не дали отдохнуть.

— Он не закрыт?! Но я не вижу ничего особенного.

— Третий глаз ничего не увидит, если ему нечего читать.

— Как мне его закрыть?

— Подожди минутку.

Сино ненадолго закрыл глаза, держа палец на брови Масамити.

К удивлению Масамити, когда Сино открыл глаза, он обнаружил, что его головная боль исчезла.

— О! Моя головная боль прошла! Значит ли это, что мой третий глаз закрыт?

— Я закрыл его для тебя. Ты должен научиться делать это сам. Вспомни, как это только что произошло.

— Я... не совсем понимаю.

— Ты научишься, если будешь продолжать тренироваться. Ты просто слуга, глупо тратящий энергию от приготовленной мной еды.

Масамити не мог понять, в чем его вина, но, поморщившись, сел прямо и извинился.

— Я не знаю, что происходит, но мне очень жаль. Это как-то связано с тем, что я стал для вас едой?

— Именно. Но ты пришел в нужное время. Думаю, я попробую.

— Попробуете?

С этим коротким предупреждением Сино облизнул губы.

Масамити невольно отступил назад, вспомнив выражение лица Сино и звуки, которые он издавал, слизывая кровь.

— Не пытайся бежать, слуга. У тебя разорвется сердце.

— Нгх... я... я знаю. Я знаю, что согласился стать вашей едой.

— Верно. Телом и душой ты мой. Я не могу ловить и есть людей из-за проклятия моего бывшего хозяина, но ты обязан по договору предложить мне свое тело.

— Я... знаю это, но...

Масамити задрожал, представив, как его руки и ноги снова отрываются от тела.

Он больше не просто боялся Сино. Он начал испытывать к нему что-то вроде привязанности.

Но когда проявилась его истинная сущность призрака, это было ужасно.

— Ну что, сейчас? — нерешительно спросил Масамити.

— Да, сейчас. Это ты пришел ко мне в комнату и поднял мне настроение. Я планировал подождать, пока ты восстановишь силы, но небольшой кусочек тебя не убьет.

— Я был бы... признателен, если бы вы перестали оценивать вещи по тому, убьют они меня или нет.

— Что?

— Да так, ничего... А какую часть меня вы съедите?

Масамити был смел до странности. Несмотря на страх, ему было любопытно. Сино усмехнулся, заметив, что Масамити дрожит.

— Я думал об этом с той ночи, когда мы встретились. Плоть и кровь были бы хороши, но регенерировать их - та еще морока. Это неэффективно, учитывая, сколько работы мне придется проделать.

Я буду рад, если ты решишь, что это слишком сложно, - от всего сердца взмолился Масамити, так как Сино, судя по голосу, наслаждался происходящим.

— Вкус твоей плоти и крови, конечно, сбил меня с ног, — сказал Сино. — И теперь я знаю, почему.

Вздрагнув, Масамити спросил:

— Не потому ли, что вы были взволнованы, ведь вы не ели людей уже около тысячи лет?

— Да, но это еще не все... Твоя кровь и плоть были превосходны на вкус. Я бы даже сказал, что они похожи на сладкий нектар.

— Нгх. Опять вы про еду.

Масамити это уже порядком надоело, но Сино серьезно продолжил:

— Я помню, как ощущал этот вкус давным-давно, и тот твой кусочек вызвал у меня странное чувство ностальгии, хотя призраки не должны испытывать подобных эмоций.

— Вкус моей плоти и крови вызвал у вас ностальгию?

Сино кивнул, а затем пробормотал:

— Давай попробуем.

— Что попробуем?

Не успел он произнести эти слова, как перед глазами Масамити закружилась комната.

Масамити был прижат к циновке татами. Он понятия не имел, что происходит.

— Нгх!

Он задыхался. Застонав от боли, он понял, что сверху на него навалилось что-то холодное и тяжелое.

— А?!

Когда он осознал, что это тело Сино, инстинкты Масамити пришли в боевую готовность, как будто в его голове замигали аварийные огни.

— Сино?

Масамити едва мог пошевелиться, когда на него навалился крупный мужчина.

Масамити лежал, ошеломленный тем, что Сино схватил его за запястья и крепко держал их над головой.

— Есть способ получше, чем есть твою плоть и кровь, — сказал Сино. — За тысячу лет бездействия я забыл об этом.

Он приблизился к дрожащему лицу Масамити и сказал певучим голосом:

— Я могу изнасиловать тебя. Я могу подчинить тебя и съесть твою энергию, и мне не придется повреждать твоё тело. Это очень простой метод.

— И... изнасиловать меня?

Масамити внезапно понял намерения Сино. На этот раз он изо всех сил пытался вырваться из рук Сино, но призрак легко подавил сопротивление Масамити своим телом, а свободной рукой схватил лицо слуги, которое было полностью обескровлено.

С зажатым лицом Масамити не мог оторваться от золотых глаз призрака.

— Сино.

— Не волнуйся. Я позабочусь о том, чтобы ты тоже получил удовольствие; твоё энергия потеряет часть своей сладости, если ты останешься испуганным.

— Вы ведь это не всерьёз... правда?

— Я собираюсь изнасиловать тебя. Ты мой слуга и не имеешь права отвергать меня.

Ещё раз заявив о своих намерениях, Сино убрал руку с лица Масамити. Затем он схватил толстовку Масамити и разорвал её, словно разрывая тонкий лист бумаги.

Теперь, когда он почувствовал на своей груди прохладный ночной воздух, Масамити задрожал ещё сильнее.

Конечно, я не хочу, чтобы он разрывал мои конечности на части... но... это уже слишком!

Сино был так добр к нему, что Масамити начал любить этого человека, но это была уже другая история.

Только не это!

Зрачки Сино превратились в тонкие вертикальные линии, а звериные золотые радужки засияли свирепым светом. При этом широко раскрытые глаза Масамити даже не моргнули.

Губы Сино изогнулись, обнажив короткие, похожие на клыки, клыки.

Масамити был прижат к татами, как экземпляр в коллекции насекомых, и единственное, что он мог сделать, - это собрать все силы, которые у него были в теле...

<http://bllate.org/book/13974/1228848>